

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ОХОТНИЧЬЕЙ ПРОЗЕ А. К. ТОЛСТОГО

С. М. Пронченко

Ключевые слова: А. К. Толстой, ранняя проза, имяупотребление, типология, семантика, функции

Keywords: A. K. Tolstoy, early prose, name usage, typology, semantics, functions.

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-11](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-11)

Введение

Как отмечает А. Ф. Роголев, «поэтическую ономастику нередко рассматривают как комплексную дисциплину, развивающуюся на стыке ономастики со стилистикой, поэтикой, эстетикой слова, лингвистикой текста» [Роголев, 2007, с. 8]. Особенности употребления имен собственных в художественном тексте (представленность ономастических классов, специфика семантики онимов, выполнение ими стилистических функций) являются значимой характеристикой индивидуальности писателя. Имяупотребление обусловлено литературной традицией эпохи, художественным методом автора, идейно-тематическим своеобразием его произведений. Для исследователя ономастики художественного текста принципиальными оказываются выводы, основанные на сопоставлении имени реального и имени литературного — в частности, понимание того, что собой представляет имя в художественном тексте (это существующий в сознании писателя и рождающийся в воспринимающем сознании читателя идеальный образ вымышленного или реального объекта, находящийся в обстановке вымысла и игры [Калинкин, 2018, с. 70]), как воспринимается реальное имя в художественном тексте (его восприятие осложнено преобразующим воздействием творящего сознания автора [Калинкин, 2017, с. 10]), как формируется семантика имени в тексте (она зависит от контекста [Калинкин, 2017, с. 11]), какие стилистические функции может выполнять имя в тексте (эстетическую, номинативно-изобрази-

тельную, текстообразующую, характеристическую, экспрессивную, апеллятивную, культурно-историческую, локально-темпоральную функции [Фонякова, 1990]). Детальное изучение функционирования имени собственного в художественном тексте позволило ученым Донецкой ономастической школы (В. М. Калинкину, Н. В. Усовой, М. В. Буевской, К. С. Федотовой) обсуждать вопрос о специальной ономастической терминологии — в большинстве своем переосмысленной с точки зрения поэтической ономастической терминологии «Словаря» Н. В. Подольской [Подольская, 1988]. Эта терминология употребляется и в данной публикации.

Изучением идейно-тематического и художественного своеобразия художественных сочинений Алексея Константиновича Толстого (1817–1875) занимались такие исследователи, как И. Г. Ямпольский, В. А. Котельников, А. В. Федоров, Д. А. Жуков, С. Ф. Васильев, В. Ю. Троицкий, А. Lirondelle [Ямпольский, 1969; Котельников, 2020; Федоров, 2012; 2017; Жуков, 1982; Васильев, 1989; Троицкий, 1994; Lirondelle, 1912 и др.].

Ранняя проза писателя в ономастическом аспекте изучена недостаточно. В ней, с одной стороны, представлены художественные произведения, появление которых было вызвано влиянием творчества дяди писателя Алексея Алексеевича Перовского (Антония Погорельского) (1787–1836), рецепцией готической традиции (диалогия «Встреча через триста лет» и «Семья вурдалака»; рубеж 1830–1840-х гг., повести «Упырь»; 1841 и «Амена», 1846). С другой стороны, в раннюю толстовскую прозу входят произведения, иные по своему идейно-тематическому своеобразию. Они раскрывают впечатления повествователя, отражают влияние литературного процесса эпохи на Толстого. Речь идет об охотничьей прозе писателя — очерках «Два дня в Киргизской степи» (1842) и «Волчий приемыш» (1843), имеющих «очевидную связь с итоговым писательским замыслом А. К. Толстого — „Охотничьими воспоминаниями“...» [Федоров, 2012, с. 35]¹, не дошедшими до нас, и рассказе «Артемий Семенович Бервенковский» (1845), созданном в традициях Натуральной школы.

Природа имела для мироощущения Толстого и его творчества колоссальное значение (см. более подробно: [Котельников, 2020, с. 56–62]). Интерес к охоте сохранялся у писателя до конца жизни, о чем впоследствии рассказывал, к примеру, его камердинер Захар [Федоров, 2012, с. 23–24]. На известной картине К. П. Брюллова 1836 г. юный Толстой изображен в охотничьем костюме, с ружьем и сеттером. До нашего времени дошла и фотография 1860-х гг., на которой запечатлен Толстой-охотник. Алексей Константинович о своей страсти к охоте писал:

¹ См. также: [Жуков, 1982, с. 83].

«С двадцатого года моей жизни она стала во мне так сильна и я предавался ей с таким жаром, что отдавал ей все время, которым мог располагать» (цит. по [Жуков, 1982, с. 72]).

В селе Красный Рог, во времена А. К. Толстого относящемся к Мглинскому уезду Черниговской губернии (в настоящее время — Почепский район Брянской области), располагалось имение писателя. Здесь Толстой ощущал единение с природой и увлеченно охотился. В письме к Б. М. Маркевичу от 15 апреля 1869 г. он отмечал: «Я теперь в час ночи сажусь на лошадь и еду за десяток верст в лес, где у пылающего костра жду зари, чтобы стрелять великолепных глухарей» (цит. по [Захарова, 2009, с. 195]). Приглашая А. А. Фета на охоту в краснорогские леса, Толстой 23 июня того же года писал: «Ускорьте Ваш приезд, вместе с г-м Борисовым, ибо молодые глухари не только летают, но летают высоко и далеко. Теперь самая пора их стрелять. Сверх того, есть полевые тетерева и молодые бекасы и дупели. Уток гибель. Можно за ними охотиться в лодке в так называемом Каменном болоте» (цит. по [Захарова, 2009, с. 198]). Характерна высокая «охотничья» оценка Алексеем Константиновичем своего краснорогского имения в одном из писем Б. М. Маркевичу 1871 г., в котором говорится, что Париж стоит обедни, а Красный Рог с его лесами и медведями — всех Наполеонов.

Методы и материалы исследования

При изучении функционирования имен собственных в охотничьей прозе А. К. Толстого применялись: историко-литературный метод, сплошная выборка, классификационный, контекстный и семантико-стилистический анализы, описательный метод.

Материал исследования — произведения «Два дня в Киргизской степи» и «Волчий приемыш». История возникновения первого очерка связана со следующим эпизодом биографии писателя: «Несколько летних дней с 22 июня 1841 г. он провел в степи под Оренбургом, поехав в гости к дяде Василию Алексеевичу Перовскому (1795–1857), бывшему в 1833–1842 гг. оренбургским военным губернатором. Там Толстой охотился с местным казаком Репниковым...» [Котельников, 2020, с. 59]. Второй очерк впервые был напечатан в «Журнале коннозаводства и охоты» в 1843 г. (№ 13) [Захарова, 2013, с. 37]. Эти произведения раскрывают мысли и чувства рассказчика, повествуют о приключениях, связанных с охотой на сайгаков, содержат этнографические зарисовки о башкирах и киргизах, наблюдения над жизнью казаков, сообщают об удивительном случае, произошедшем в краснорогских лесах, где в язве (вольчьей норе) вместе с волчатами была найдена лисичка.

Результаты исследования

Охарактеризуем особенности типологии поэтонимов, специфику их семантики и функции в толстовских охотничьих очерках.

По специфике референтивного значения в очерке «Два дня в Киргизской степи» представлены топопоэтонимы (названия географических объектов) с такими подклассами, как астиопоэтонимы (названия городов): *Оренбург*; потамопоэтонимы (названия рек): *Сакмара, Урал*; оропоэтонимы (названия элементов рельефа земной поверхности): *Губерлинские горы, Кук-Таш, Уральский хребет*; хоропоэтонимы (названия любых территорий): *Киргизская степь, Оренбургская губерния, Сухореченская крепость*, а также антропоэтонимы (имена персонажей): *Иван Иванович, Репников, Решетаев*, зоопоэтонимы (клички животных): *Буффон / Буффка*, хронопоэтонимы (названия исторически значимых отрезков времени): *Хивинская экспедиция*.

В ономастическом пространстве очерка «Два дня в Киргизской степи» преобладают топопоэтонимы, участвующие в формировании хронотопа, выполняющие различные функции.

Эстетическая функция имени проявляется в гармоничном соединении формы и содержания (онима и его контекстного окружения), формирующем у читателя чувство удовлетворения прочитанным. Текстобразующая функция имени заключается в способности участвовать в создании текста, связывать его части в единое целое с учетом авторских интенций. Номинативно-изобразительная функция онима выражается в назывании референта, введении в текст определенных тем и мотивов, развитии художественных образов, осмыслении повествователем описываемых событий.

Так, эстетическая функция топопоэтонимов в очерке «Два дня в Киргизской степи» ярко проявляется, например, в лирически окрашенных пейзажных зарисовках (на них обратил внимание и французский исследователь толстовского творчества А. Лирондель [Lirondelle, 1912, pp. 42–43]):

«Места, чрез которые мы проезжали, были очень разнообразны и живописны; сначала такие же холмы, как и на кочевке, потом широкие долины, Сакмара, отсвечивающая сквозь лес серебряных тополей, зеленая, цветущая степь, а вдали голубые Губерлинские горы» (Алексей Толстой. Собрание сочинений. 1969. Т. 2. С. 128)²;

«Солнце едва начинало всходить, а тарантас наш уже ехал по берегу Урала... <...> Крутые берега, утесы, тарантас, до половины колес по-

² Далее цитирование очерков производится с указанием номеров страниц в круглых скобках по источнику: Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. / под ред. И. Ямпольского. Т. 2: Художественная проза. М.: Правда, 1969. 528 с.

грузенный в воду, прыгающие лошади, башкирцы, вооруженные луками, наши ружья и сверкающие кинжалы, все это, освещенное восходящим солнцем, составляло прекрасную и оригинальную картину. **Урал** в этом месте не широк, но так быстр, что нас едва не унесло течением» (с. 128–129).

Текстообразующая функция географических названий реализована, например, в следующем контексте:

*«Кочевка расположена между высокими холмами, составляющими начало **Уральского хребта** и покрытыми дубняком и березником. <...> Почти все они имеют ту же оригинальную форму, почти все увенчаны стенообразным гребнем сланцеватого камня, и в каждой долине протекает небольшой ручей, с обеих сторон скрытый кустарником»* (с. 126).

Номинативно-изобразительная функция топопоэтонимов может быть проиллюстрирована следующими контекстами из очерка:

*«Мы продолжали путь и вскоре стали различать кибитки, расположенные у подножия высокого и длинного утеса синего и лилового цвета, который, как я узнал после, назывался **Кук-Тау**, то есть синий камень, и состоял из яшмы»* (с. 129);

*«Вместо степи, сожженной солнцем, у подножия синего утеса **Кук-Тау** расстилалось прекрасное озеро, отражавшее, как светлое зеркало, и утес, и расположенные близ него кибитки»* (с. 136).

Можно указать и на такие семантико-стилистические функции географических названий, как характеристическая, культурно-историческая и локально-темпоральная.

Характеристическая функция топопоэтонимов проявляется в описании отличительных свойств референта и его оценке повествователем:

*«Езда в **Оренбургской губернии** невероятно быстра, степные дороги гладки, как паркет, а башкирские лошади неутомимы»* (с. 128).

Культурно-историческая функция географических названий состоит в отсылке читателя к народным традициям, истории и культуре. Так, культурно-исторический фон онима *Оренбург* связан с расположением города на стыке Европы и Азии, его особой ролью в развитии связей между Россией и Средней Азией:

*«Уже около месяца жили мы на кочевке, верстах в полутораста от **Оренбурга**...»* (с. 126).

Культурно-историческую функцию выполняет и топопоэтоним *Киргизская степь*, вынесенный в заглавие очерка и обозначающий значительную территорию северной части русских среднеазиатских владений от реки Урал до предгорий Тянь-Шаня на востоке, до Аральского моря на юге и до пределов Тобольской губернии на севере.

Локально-темпоральная функция связана с участием топопоэтонимов в моделировании художественного пространства и времени очерка:

«Тетеревиная стрельба наша напомнила мне кровопролитные охоты в немецких парках, охоты, которых, откровенно сказать, я терпеть не могу.

*После этого сознания легко себе можно представить, как я обрадовался, когда пришло на кочевку известие, что за **Уралом**, в **Киргизской степи**, показались сайгаки»* (с. 127).

Остальных классов поэтонимов в очерке значительно меньше, чем топопоэтонимов, — этой особенностью определяется специфика ономастического пространства произведения.

Антропоэтонимы *Иван Иванович*, *Репников*, *Решетаев* участвуют в развитии действия, выполняют различные функции. Хорунжий назван только по имени и отчеству Иваном Ивановичем, а казаки — только по фамилиям Репников и Решетаев.

Эстетическая функция антропоэтонимов может быть проиллюстрирована следующим контекстом:

*«Несколько казаков выехали к нам навстречу, и между ними хорунжий **Иван Иванович**, заведовавший на кочевке всеми охотами. Известия о сайгаках были самые удовлетворительные. Казаки говорили, что им нет и числа и что не помнят, когда бы их приходило на линию такое множество»* (с. 129).

Текстообразующую функцию антропоэтонимы выполняют в следующем контексте:

*«Когда мы вошли в кибитку, **Иван Иванович**, к удивлению нашему, показал нам десять сайгачьих голов, с красивыми рогами и с безобразными горбатыми носами, напоминающими своею длиною и мягкостью носы индейских петухов»* (с. 129).

Номинативно-изобразительная функция антропоэтонимов реализована в следующем контексте:

*«Мы пустились рысью, и вскоре **Репников** (так звали казака) опять увидел сайгаков.*

Этот раз мне удалось доползти к ним шагов на восемьдесят, но руки мои дрожали, пот катился в глаза и мешал мне смотреть, я целился минуты с две, наконец выстрелил и дал промах» (с. 132).

Апеллятивная функция антропоэтонимов (функция обращения, побуждения собеседника к восприятию речи) может быть проиллюстрирована следующим фрагментом:

*«Ты, **Решетаев**, оставайся с лошадьми да поглядывай по сторонам, а вы ложитесь на землю и ползите за мною»* (с. 131).

Характеристическая функция антропоэтонимов проявляется в следующем фрагменте очерка, который создает представление о личных качествах казаков:

— *Правда ли, — спросил я между прочим, — что киргизцы переносят боль с необыкновенным терпением и никогда не жалуется, как бы тяжело они ни были ранены?*

— *Правда, ваше благородие, — отвечал Репников. — Намедни я откусил одному киргизцу ухо, так нисколько и не поморщился, собака!* (с. 133)

Далее Репников сообщает, что откусил ухо одному из киргизов за угон табуна из станицы и убийство коня, на котором казак бросился в погоню за ним. Он рассказывает, как откусил ухо:

«*Тут Решеаев с ребятами навалились на молодца и скрутили ему руки, а я как подскакал к ним да как увидел эту киргизскую рожу, так сердце и закипело, — бросился на него и отхватил зубами ухо...*» (с. 134).

В очерке употреблен зоопоэтоним (кличка пса), представленный вариантами *Буффон* и *Буффка*.

Эстетическая функция данного зоопоэтонима проявляется в его гармоничной взаимосвязи с контекстным окружением, формирующей у читателя чувство удовлетворения прочитанным. Текстобразующая функция онима *Буффон* реализована в фрагменте, рассказывающем о случае, произошедшем на одной из охот, и связанном с другими частями текста, повествующими об особенностях охот, в которых ранее участвовал рассказчик. Номинативно-изобразительная функция онима *Буффон* выражается посредством развертывания в очерке темы недостатка интереса к охоте, когда она представляет собой лишь стрельбу по тетеревам и когда в ней отсутствует истинный азарт, связанный с «ожиданием неизвестного». Апеллятивная функция зоопоэтонима проявляется при обращении рассказчика к псу, характеристическая — в экспрессии, связанной, с одной стороны, с авторской иронией относительно внешнего вида и качеств пса, с другой — с сочувствием животному:

«*Правда, что у нас была отличная собака: бедный Буффон был глух и крив, но имел такое чутье и такую стойку, каких я никогда не видывал. Я помню, однажды он стал над куропаткой. „Пиль!“ — сказал я. Буффон ни с места. „Пиль, Буффка!“ Буффон не шевелится. „Пиль, дурак!“ — закричал я и пихнул его ногой. Буффон перекувырнулся и стал ко мне лицом, нисколько не теряя ни хладнокровия, ни стойки. Куропатка сидела между им и мною, и я поймал ее руками. Таков был бедный Буффон...*» (с. 127).

Хронопоэтоним *Хивинская экспедиция* употреблен в фрагменте очерка, развертывающем тему легендарной быстроты обладающих обостренным чувством опасности сайгаков и потому вызывающих неподдельный

интерес и азарт у преследователей, антилоп, являющихся достойной добычей для охотников. Оним *Хивинская экспедиция* выполняет различные семантико-стилистические функции. Его эстетическая функция проявляется в гармоничном включении в контекст, текстообразующая — в соединении частей текста, номинативно-изобразительная — в назывании референта. Культурно-историческая функция онима *Хивинская экспедиция* состоит в обращении к неудачному завоевательному походу В.А. Перовского 1839 г. с целью подчинения Хивинского ханства России, когда охотники, участвовавшие в этой кампании, безуспешно пытались настичь встреченных сайгаков. Локально-темпоральная функция хронопоэтонима заключается в отсылке к месту и времени проведения экспедиции:

«Я вспомнил об описаниях этого животного (сайгака. — С. П.) в натуральных историях, где об нем всегда говорится как об одном из быстрейших и недоступнейших антилопов. Некоторые из охотников, бывшие в Хивинской экспедиции, рассказывали нам, как на возвратном пути, весною, им случалось встречать сайгаков и как они тщетно старались догнать <их> лучшими скакунами. Однажды им удалось окружить целый табун и вогнать его в средину обоза, но сайгаки без всякого усилия перепрыгнули через навьюченных верблюдов и тотчас скрылись из виду» (с. 127–128).

В очерке «Волчий приемыш» повествуется об удивительном случае нахождения Толстым в волчьей норе вместе с волчатами лисички. Писатель приютил их у себя и мог наблюдать за их поведением. Толстой-охотник не нашел для себя объяснения, почему волчица не загубила детеныша лисицы и почему лисичка, впоследствии находясь у писателя, мирно играла с волчатами, поэтому решил посредством публикации этого рассказа в журнале обратиться к общественности и получить возможный ответ.

По специфике референтивного значения в очерке выделяются только топопоэтонимы, что составляет особенность его ономастического пространства. Географические имена рассказа делятся на следующие подклассы: хоропоэтонимы: *Черниговская губерния, Мглинский уезд* и комопоэтонимы (названия сельских поселений): *Красный Рог*.

Эстетическая функция данных топопоэтонимов состоит в гармоничном их включении в контекст, описывающий место действия, текстообразующая — в связывании частей очерка, участия в создании когезии текста, номинативно-изобразительная — в назывании географических объектов, культурно-историческая — в отсылке к культурно-исторической специфике называемых географических реалий, локально-темпоральная — в моделировании хронотопа очерка. Употребленные в очерке географические названия *Черниговская губерния* и *Мглинский уезд* на се-

годняшний день являются историзмами. В толстовские времена географические объекты (в том числе и село Красный Рог), обозначаемые этими онимами, входили в состав Малороссии. Данные имена с течением времени стали связывать с таким культурно-историческим понятием, как *Стародубье*, называющим земли, прилегающие к городу Стародубу как центру *Северщины*. В настоящее время это западная часть Брянской области России, где сохраняется уникальная локальная специфика в области народных культурных традиций, говоров, религиозных верований, обусловленная территориальной близостью Белоруссии и Украины:

«1839 года, весной, был я свидетелем такого странного случая, какому в летописях охоты едва ли отыщется подобный. В Черниговской губернии, Мглинского уезда, в селе Красном Рогу лесничие донесли мне, что нашли убитую волчицу. Охотиться без ведома моего у меня запрещено, и я тотчас отправился в означенное лесничими урочище удостоверить, не чужими ли охотниками убита волчица» (с. 140).

Заключение

Таким образом, специфика функционирования имен собственных в охотничьей прозе А. К. Толстого заключается в том, что, во-первых, в ней количественно преобладают топоэпонимы, что связано с идейно-тематическим своеобразием произведений: с одной стороны, восхищением рассказчиком окружающей природой и охотой, стремлением раскрыть перед читателем собственные мысли и чувства, определить значение описанных событий для становления и развития собственной личности и мировоззрения (очерк «Два дня в Киргизской степи»), с другой — целью получить возможный квалифицированный ответ на вопрос об удивительной охотничьей находке — нахождении в волчьей норе личички (очерк «Волчий приемыш»). Во-вторых, особенности семантики онимов в очерках состоят в том, что Толстой употребляет реальные имена, но их значение преобразовано в соответствии с авторскими интенциями, связанными с идейно-тематическими особенностями произведений. В-третьих, проанализированные поэтонимы участвуют в формировании хронотопа, в развитии действия, выполняют такие стилистические функции, как эстетическая, текстообразующая, номинативно-изобразительная, характеристическая, культурно-историческая, локально-темпоральная и апеллятивная.

Библиографический список

Васильев С. Ф. Проза А. К. Толстого: направление эволюции и контекст. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1989. 96 с.

Жуков Д. А. Алексей Константинович Толстой. М.: Молодая гвардия, 1982. 383 с.

Захарова В. Д. А. К. Толстой. Летопись жизни и творчества. Брянск: ГУП «Брянское областное полиграфическое объединение», 2013. 164 с.

Захарова В. Д. По следам Алексея Константиновича Толстого. Вымыслы и правда. Изд. 2-е, испр. Брянск: [б. и.], 2009. 240 с.

Калинкин В. М. Знакомьтесь: поэтонимология // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. 2017. Т. 3. № 1 (9). С. 10–17.

Калинкин В. М. Поэтика онимов: неоспоримость правды вымысла // Культура в фокусе научных парадигм. 2018. № 6. С. 66–71.

Котельников В. А. Алексей Константинович Толстой в жизни и в литературе. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 864 с.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А. В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 192 с.

Рогалев А. Ф. Имя и образ: художественная функция имен собственных в литературных произведениях и сказках. Гомель: Барк, 2007. 224 с.

Троицкий В. Ю. А. К. Толстой. Духовные начала творчества и художественный мир писателя // Филологические науки. 1994. № 5–6. С. 19–26.

Федоров А. В. А. К. Толстой в жизни и творчестве. М.: ООО «Русское слово — учебник», 2012. 144 с.

Федоров А. В. Алексей Константинович Толстой и русская литература его времени. М.: ООО «Русское слово — учебник», 2017. 752 с.

Федоров Н. Слуга знаменитости (Материалы для биографии графа А. К. Толстого) // Красный Рог и его обитатели: воспоминания / сост. В. Д. Захарова. Брянск: БГИТА, 2012. С. 10–29.

Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте: учебное пособие. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1990. 104 с.

Ямпольский И. А. К. Толстой // Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. / под ред. И. Ямпольского. Т. 1: Лирические стихотворения. Баллады, былины, притчи. Сатирические и юмористические стихотворения. Поэмы. Переводы. М.: Правда, 1969. С. 3–50.

Lirondelle A. Le poète Alexis Tolstoï: l'homme et l'œuvre. Paris: Librairie Hachette & Cie, 1912. 677 p.

Источник

Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. / под ред. И. Ямпольского. Т. 2: Художественная проза. М.: Правда, 1969. 528 с.

References

- Vasil'ev S. F. Prose of A. K. Tolstoy: direction of evolution and context, Izhevsk, 1989, 96 p. (In Russian)
- Zhukov D. A. Alexey Konstantinovich Tolstoy, Moscow, 1982, 383 p. (In Russian)
- Zakharova V. D. A. K. Tolstoy. Chronicle of life and creativity, Bryansk, 2013, 164 p. (In Russian)
- Zakharova V. D. In the footsteps of Alexei Konstantinovich Tolstoy. Fiction and truth, Bryansk, 2009, 240 p. (In Russian)
- Kalinkin V. M. Meet: Poetonymology. *Vestnik Tambovskogo universiteta*. = Bulletin of Tambov University, 2017, vol. 3, no. 1 (9), p. 10–17 (In Russian)
- Kalinkin V. M. Poetics of onyms: the indisputability of the truth of fiction. *Kultura v fokuse nauchnykh paradigm* = Culture in the focus of scientific paradigms, 2018, no. 6, p. 66–71 (In Russian)
- Kotel'nikov V. A. Alexey Konstantinovich Tolstoy in life and literature, St. Petersburg, 2020, 864 p. (In Russian)
- Podol'skaya N. V. Dictionary of Russian onomastic terminology, Moscow, 1988, 192 p. (In Russian)
- Rogalev A. F. Name and image: the artistic function of proper names in literary works and fairy tales, Gomel, 2007, 224 p. (In Russian)
- Troitskiy V. Yu. A. K. Tolstoy. Spiritual principles of creativity and the artistic world of the writer. *Filologicheskie nauki* = Philological sciences, 1994, no. 5–6, p. 19–26 (In Russian)
- Fedorov A. V. A. K. Tolstoy in life and work, Moscow, 2012, 144 p. (In Russian)
- Fedorov A. V. Aleksey Konstantinovich Tolstoy i russkaya literatura ego vremeni, Moscow, 2017, 752 p. (In Russian)
- Fedorov N. Servant of celebrity (Materials for the biography of Count A. K. Tolstoy). *Krasnyy Rog i ego obitateli: vospominaniya* = Red Horn and its inhabitants: memories, Bryansk, 2012, p. 10–29 (In Russian)
- Fonyakova O. I. *Proper name in art text: textbook*, Leningrad, 1990, 104 p. (In Russian)
- Yampol'skiy I. A. K. Tolstoy. *Tolstoy A. K. Sobranie sochineniy* = Tolstoy A. K. Collected works: in 4 vols, vol. 1: Lyric poems. Ballads, epics, parables. Satirical and humorous poems. Poems. Translations, Moscow, 1969, p. 3–50 (In Russian)
- Lirondelle A. Le poète Alexis Tolstoï: l'homme et l'œuvre, Paris, Librairie Hachette & Cie Publ., 1912, 677 p.

Source

- Tolstoy A. K. Collected works: in 4 vols, vol. 2: Artistic prose, Moscow, Pravda Publ., 1969, 528 p. (In Russian)